

УДК 811.511.131

DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-4-641-649

Темпоральная семантика грамматических форм глагола настоящего времени в удмуртском языке

К. С. Ефимов

Удмуртский государственный университет,

г. Ижевск, Российская Федерация,

kirill_udm@vk.com

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена описанию темпоральной семантики грамматических форм глагола настоящего времени в удмуртском языке в синхронном аспекте. Внутри двух основных групп (настоящее актуальное и настоящее неактуальное) проводится выделение конкретных типов и подтипов темпоральных значений.

Цель: выявить типы темпорально-семантических значений глаголов настоящего времени в удмуртском языке.

Материалы исследования: эмпирическую базу исследования составили предложения из художественных текстов на удмуртском языке, извлечённые из Национального корпуса удмуртского языка.

Результаты и научная новизна. В работе впервые представлен анализ темпоральной семантики удмуртского глагола на примере форм презенса. Рассмотрены две основные группы семантических значений, передаваемых формами настоящего времени глагола в удмуртском языке: настоящее актуальное и настоящее неактуальное. Установлено, что первая группа включает в себя следующие типы значений: а) настоящее время момента речи; б) настоящее расширенное; в) настоящее перформативное. Вторая группа подразделяется на а) неактуальное настоящее при выражении узуальности; б) настоящее качественное; в) настоящее гномическое. Полученные данные позволяют говорить о новой типологической классификации темпорально-семантических значений удмуртского глагола настоящего времени, поскольку лингвистическое время всегда тесно связано с темпоральностью.

Ключевые слова: финно-угорские языки, семантика, темпоральность, удмуртский язык, грамматика удмуртского языка, глагол, настоящее время

Для цитирования: Ефимов К. С. Темпоральная семантика грамматических форм глагола настоящего времени в удмуртском языке // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 4 (51). С. 641–649.

Temporal semantics of grammatical forms of a present tense verb in the Udmurt language

K. S. Efimov

Udmurt State University,

Izhevsk, Russian Federation,

kirill_udm@vk.com

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the description of the temporal semantics of the grammatical forms of a present tense verb in the Udmurt language in the synchronic aspect. Within the two main groups (the present relevant and the present irrelevant), specific types and subtypes of temporal meanings are identified.

Objective: to identify the types of temporal and semantic meanings of the present tense verbs in the Udmurt language.

Research materials: the empirical base of the study is made up of sentences from literary texts in the Udmurt language, extracted from the National Corpus of the Udmurt Language (more than 2,500 uses of the verbs in the present tense).

Results and novelty of the research: the article presents for the first time the analysis of the temporal semantics of an Udmurt verb on the example of the present forms. Two main groups of semantic meanings that are presented by the forms of the present tense of a verb in the Udmurt language are considered: the present relevant and the present irrelevant. It has been established that the first group includes the following types of meanings: a) the present time of the moment of speech; b) present extended; c) present performative. The second group is subdivided into a) the irrelevant present with expression of usuality; b) the present qualitative; c) the present gnomic. The data obtained allow us to speak about a new typological classification of the temporal and semantic meanings of an Udmurt verb in the present tense, since linguistic time is always closely related to temporality.

Key words: Finno-Ugric languages, semantics, temporality, Udmurt language, grammar of the Udmurt language, verb, present tense

For citation: Efimov K. S. Temporal semantics of grammatical forms of a present tense verb in the Udmurt language // Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies. 2022; 12 (4/51): 641–649.

Введение

Научные исследования в области грамматической семантики удмуртского языка на сегодняшний день представлены в очень ограниченном количестве, поскольку удмуртское языкознание находится ещё на этапе исследования базовых проблем. Первым исследователем, который заявил о неоднородности семантики глагола настоящего времени был эстонский исследователь Ф. Й. Видеманн. В своей работе 1851 г. «Grammatik der wotjakischen Sprache: nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche» он отмечает, что грамматические формы настоящего времени в удмуртском языке могут иметь как значение настоящего, так и значение будущего времени [21, 166]. Современные исследователи, в частности Ш. Чуч и И. Козмач, считают, что в прапермском языке современные формы будущего времени удмуртского глагола использовались для обозначения настоящего времени, однако со временем для обозначения настоящего времени удмуртский язык развил новые формы, которые имели добавочный аффикс *-ськ-* в 1-м и 2-м лице единственного и множественного числа [19, 262; 20, 58]. Таким образом, мы можем говорить о том, что в удмуртском языке информация, передаваемая формами глагола настоящего времени, может быть отнесена также в область прошлого и будущего, потому что когнитивная связь глагола и действия выражается «отнесённостью события на временной оси, его принадлежностью плану прошлого, настоящего или будущего» [13, 135]. Формы глагола при этом могут быть различными. Ключевым понятием, необходимым для понимания семантики временных финитных форм глагола, является темпоральность, которую мы вслед за А. В. Бондарко понимаем как «функционально-семантическое поле, которое охватывает группировку грамматических (морфологических и синтаксических), лексических, а также комбинированных (лексико-грамматических, грамматико-контекстуальных и т. п.) средств того или иного языка, которые используются для выражения различных вариантов данной семантической категории» [3, 5].

Как известно, значения настоящего времени как семантической категории могут передаваться и другими языковыми средствами (например, лексическими), а не только формами настоящего времени глагола. В нашем же исследовании

принцип отбора фактического материала основан в первую очередь на формах удмуртского глагола, которые по морфологическим показателям можно отнести к настоящему времени. Основным ориентиром для разграничения семантических значений настоящего времени является момент речи, поскольку «категориальные значения временных форм в качестве ориентации нацелены на единую отправную точку – грамматическую точку отсчёта. Это понятие является абстрактным и в целом воспринимается либо как момент говорения, либо как любой другой момент, относительно которого определяется время действия в момент говорения» [7, 93].

Темпоральная семантика настоящего времени характеризуется тем, что «в отличие от прошедшего и будущего времён, для которых отношение к исходной точке отсчёта выражено достаточно чётко, в формах настоящего времени и обозначаемых ими временных отношениях обнаруживается более сложный тип временного дейксиса» [15, 11]. Несмотря на то, что некоторые языки, например, английский, могут иметь несколько грамматических форм, выражающих прошедшее время [6, 102–106], в удмуртском языке существует только одна форма глагола, обозначающая настоящее время, представленная формами типа *мон мынйсько* ‘я иду’, *тон мынйськод* ‘ты идёшь’ и т. д. [14, 171]. Если говорить в целом о том, что представляет собой настоящее время как общеграмматическая категория, то настоящее время вербализует «ситуацию, сохраняющуюся в течение интервала, включающего момент речи, и потенциально непосредственно предшествующее и непосредственно следующее время; ситуация может быть известна непосредственно и сосуществует с другими ситуациями, состояниями и действиями» [18, 315]. Учитывая вышесказанное, нам кажется очевидным существование вариативности темпоральной семантики для грамматических форм настоящего времени. Всё это определяет теоретическую значимость нашего исследования, которая заключается в типологическом описании темпоральной семантики глагольных форм настоящего времени в удмуртском языке. Результаты и выводы исследования могут быть использованы в теоретических и практических курсах по удмуртской морфологии, сопоставительной грамматике финно-угорских языков, лингвистике текста и других смежных дисциплинах.

Материалы и методы

Эмпирическую базу нашего исследования составили предложения из художественных текстов на удмуртском языке, извлечённые из Национального корпуса удмуртского языка [10]. Общее количество проанализированного материала составило свыше 2500 словоупотреблений глагольных форм настоящего времени.

Одним из основных методов является описательный. Также были использованы метод анализа на лексико-семантическом уровне, типологический метод.

Результаты исследования

Наиболее подробно семантика рассматриваемых нами форм глагола в удмуртском языке была описана Е. А. Булычевой в её диссертации «Функциональная значимость глагола в различных типах текстов в удмуртском и русском языках». Однако мы видим необходимость создания собственной классификации темпорально-семантических значений глагола настоящего времени в удмуртском языке с опорой на современные исследования в области глагольной семантики. Е. А. Булычева рассматривает два основных типа значений для форм настоящего времени глагола в удмуртском языке – настоящее актуальное и настоящее неактуальное. Последнее она подразделяет на постоянное и абстрактное. Также по её мнению, прошедшее время может обладать и периферийными значениями – это настоящее изобразительное (или описательное) и настоящее комментирующее [4, 39]. На наш взгляд, все речевые акты с использованием форм глагола в настоящем времени действительно можно разделить на «настоящее актуальное» и «настоящее неактуальное», однако, внутри этих двух семантических вариантов можно выделить существенное количество значений второго и третьего уровня, например «настоящее перформативное», которое обозначает «высказывание, эквивалентное действию, поступку» [9, 372]. Таким образом, мы будем описывать прежде всего разновидности настоящего актуального и настоящего неактуального, причём внутри некоторых типов значения нами будут выделены также значения третьего уровня. Для этого мы рассмотрим различные варианты темпоральных ситуаций, выражаемых формами настоящего времени глагола на примере контекстов, выбранных из Национального корпуса удмуртского языка.

Теперь перейдём к рассмотрению семантических значений для форм настоящего времени глагола.

1. Настоящее актуальное

Это основной тип значения для форм настоящего времени удмуртского глагола. Данный тип семантического значения «выражает конкретное действие, которое строго совпадает с моментом речи» [4, 39]. Настоящее актуальное противостоит настоящему неактуальному, когда в контексте отсутствует соотнесённость с моментом речи. Иными словами настоящее актуальное это то, что происходит здесь и сейчас. Пример: *Нош тii, гажано эш, кыче животной сярсысь конкретно тодыны турттiськоды?* – *Конкретно мон тодыны турттiсько... гурт кеч сярсысь.* ‘А вы, уважаемый товарищ, о каком конкретно животном хотите узнать? – Конкретно я стараюсь узнать ... о деревенской козе’. (Геннадий Красильников. Чупыргы Вася но мунчо кузё (1971) [10]). С помощью лексической семантики мы видим, что оба участника диалога комментируют свои действия, следовательно, использование форм настоящего времени глагола в этом примере говорит о том, что действие происходит в момент речи.

Здесь мы выделим ряд вариантов ситуации настоящего актуального.

1.1. Настоящее время момента речи

Этот тип семантического значения находится максимально близко к моменту речи, отсюда и название этого типа. Речь идёт о том, что происходит здесь и сейчас, поэтому, на наш взгляд, «настоящее время момента речи» находится в ядре семантического поля форм настоящего времени. Этот тип значения можно сравнить с грамматической формой Present Continuous (Progressive) в английском языке, поскольку основная задача названной нами формы в английском языке это «обозначение действия в момент речи» [6, 104]. В удмуртском языке ситуация, происходящая в момент речи, передаётся грамматической формой настоящего времени. Например: – *Кытчы мыйiськод таچه дiськутэн?* – *юа Павлик.* – ‘Куда идёшь в такой одежде? – спрашивает Павлик’. (Ульфат Бадретдинов. Їушгьял вордiське веньёстэк (2007), [10]) Грамматическая форма *юа* ‘спрашивает’ раскрывает содержание вопроса, в котором также используется форма глагола настоящего времени, а также передаёт нам информацию, что вопрос был задан именно в данный момент времени. Данный

тип семантического значения можно разделить на ещё два подтипа, которые различаются наличием либо отсутствием *перцептивности*, т. е. семантической категории, которая выражает «воспроизведение наблюдаемости и других типов восприятия с точки зрения перцептора (говорящего или пишущего)» [11, 29].

1.1.1. Настоящее время момента речи с признаком перцептивности

В случае если настоящее время момента речи обладает признаком перцептивности говорящий может наблюдать это событие или действие, о котором мы узнаём из его речи, т. е. «языковая категория перцептивности реализуется в высказывании и выражает непосредственно наблюдаемое» [11, 29]. Пример: *Олокин шоры учке. Собере нош ик кутскиз: – Тон эн малпа, мон юнме вераськисько шуыса, мон чиданы быгатйсько ке, тон но кылзыны быгаты. ‘На кого-то смотрит. Затем снова начал: – Ты не думай, что я напрасно говорю, я если и могу потерпеть, то ты сумей и послушать’.* (Трофим Архипов. Лудзи шур дурын (1985), [10]). В данном примере сообщается, что производитель действия на кого-то смотрит, при этом мы понимаем, что действие происходит именно в момент речи, поскольку далее этот же человек начинает с ним разговор, следовательно, он находится в непосредственной близости от говорящего, а значит говорящий мог наблюдать предыдущее действие, т. е. в данном примере явно присутствует перцептивность.

1.1.2. Настоящее время момента речи без признака перцептивности

В случае, если настоящее время не обладает признаком перцептивности, мы видим, что говорящий не является очевидцем события, о котором он говорит, поэтому данный подтип значения носит характер предположения, и в предложении проявляется эвиденциальная сема, поскольку эвиденциальность может проявляться как категория «основанная на высказывании говорящего, который, располагая определёнными сведениями, опирается на ... собственные ощущения или догадки» [8, 93]. Также стоит отметить, что для данного типа значений характерно использование таких лексических маркеров как *оло*, *дыр*, которые можно перевести на русский язык словом ‘навверное’. Пример: – *Сергейлэсь Аляен эшьяськемзэ тон тодйськод, дыр. Славиклы но Аля кельше, быгай ... ‘Дружбу Сергея с Алей ты знаешь навверное. Славикку Аля тоже видимо нравится’* (Ульфат Бадретдинов.

Шордин (2007), [10]). В данном примере словоформа *кельше* ‘нравится’ передаёт действие, которое протекает в данный момент времени, но при этом говорящий не может лично наблюдать это действие, следовательно признак перцептивности в данном примере отсутствует. Также с помощью диалектной лексики *быгай* ‘навверное’ говорящий придаёт высказыванию эвиденциальное значение.

1.2. Настоящее расширенное

Как мы уже упоминали выше, целый ряд исследователей сходится во мнении, что грамматические формы настоящего времени могут обозначать также события в прошлом или будущем. Иначе говоря «настоящее время не имеет жестких пределов, которые бы отделили его от прошлого и будущего» [3, 23]. Поэтому в семантической структуре грамматических форм настоящего времени удмуртского глагола можно выделить настоящее расширенное, которое может охватывать события, находящиеся на незначительном удалении от момента речи. Это становится возможным благодаря наличию лексических средств, так или иначе обозначающих расширение семантики в сторону прошлого или будущего. Например: – *Ведь кыкетй арня юэ ни, – сялзиськиз Микол. ‘– Ведь вторую неделю пёт уже, – плюнул Микол’* (Вячеслав Сергеев. Уйвотын усе лымы (1988), [10]). В примере с помощью глагола в форме настоящего времени передаётся актуальность события для момента речи, однако помимо глагола в предложении упоминается отрезок времени – две недели. Таким образом, с помощью лексических средств говорящий расширяет значение формы настоящего времени глагола до недавних событий прошлого.

Ниже рассмотрим семантические варианты настоящего расширенного.

1.2.1. Настоящее расширенное, охватывающее отрезок прошедшего времени

Для этого семантического варианта характерно наличие сопутствующих лексических средств, обозначающих момент в прошлом, после которого действие или состояние продолжалось до момента речи. По сути данный семантический вариант невозможно заменить на грамматическую форму прошедшего времени, поскольку действие или состояние, о котором сообщает говорящий, в момент речи является релевантным. Пример: *Тани та интыын куинь нунал мынэ ини ож, быдэс музейем гудэмын но сосьыртэмын ... ‘Вот на этом месте уже три дня*

идёт война, вся земля изрыта и искалечена' (Николай Байтеряков. Куинь кызыпуос улын (1989), [10]). С помощью глагола в форме настоящего времени говорящий сообщает нам информацию, актуальную на момент речи. Об актуальности высказывания говорит прямое указание на место действия. При этом, с помощью лексического маркера *куинь нунал ини* 'уже три дня', высказывание получает семантику отнесённости в прошлое, т. к. лексический маркер сообщает нам точку отсчёта в прошлом, начиная с которой, длилось или повторялось озвученное событие или действие до момента речи.

1.2.2. Настоящее расширенное, охватывающее фрагменты прошлого и будущего

Многие исследователи удмуртского языка говорят о близости семантической структуры настоящего и будущего времён, поскольку формы настоящего времени «используются не только для действий, происходящих в текущий момент времени, но и для тех, которые произойдут в самое ближайшее время» [22, 46]. Однако нам представляется возможным также обозначение событий, произошедших на значительном удалении до момента речи, т. е. в прошлом с помощью грамматических форм настоящего времени. Основное отличие этого семантического подтипа от предыдущего заключается в том, что события на временной шкале можно обозначить в виде точек, в то время как в предыдущем подтипе события будут изображены в виде линии. При этом фрагменты могут быть расположены только в прошлом, только в будущем, либо и в прошлом, и в будущем одновременно. Пример: *Собере гигит дырзэс тодазы вайыллызы, война вакытэз – кин кытын ожмаськиз. Дышетись гинэ малы ке чалмыт кылде, дырын-дырын дулылэ. – Оло, ми изыны люкетиськом? – юай мон ...* 'Затем вспоминали молодость, период войны – кто где воевал. – Только учитель почему-то лежит тихо, время от времени вдыхает. – Может быть мы мешаем спать? – спросил я' (Трофим Архипов. Лариса (2005), [10]). Актуальность описываемых событий в данном примере определяется следующей за глаголами настоящего времени прямой речью. Использование в предыдущем предложении формы прошедшего времени говорит о том, что событие, передаваемое формами настоящего времени происходило и в прошлом, а наречие *дырын-дырын* 'время от времени' обозначает, что событие будет какое-то время повторяться и в будущем.

1.2.3. Настоящее расширенное, отнесенное к длительному периоду, не целиком заполненному действиями

Ещё один семантический вариант настоящего расширенного. В отличие от двух предыдущих вариантов здесь мы можем отметить повторение действия, обозначенного формой настоящего времени глагола. На характер этого действия могут указывать такие лексические средства как *сюрс ар* 'тысячу лет', *быдэс даур* 'целый век', *со дырысен* 'с тех пор' и т. п. Также немаловажную роль играет лексическая семантика глаголов. Так, например, глаголы состояния однозначно не могут содержать в себе сему, о которой идёт речь в этом параграфе. Пример: *Торо валтэмья, адымиос со корка пыро но адэо: Акарен Чана кыкназы ик артэ кыллэ, кыкназылэн ик ымтыразы – пось эгыр, кыкназылэн ик сюльёссы сюрыюсы кыскамын. Со дырысен тороос адымиосыз ог-огзэс сак эскерыса улыны косо.* 'По руководству торо (жрец традиционной удмуртской религии), люди в этот дом заходят и видят: Чана с Акаром вдвоём рядом лежат, у обоих рты наполнены горячим углём, у обоих же кишки вытащены и натянуты на шест. С тех пор торо велят людям жить внимательно проверяя друг друга' (Фёдор Пукроков. Кизили ныл (1997), [10]). С помощью вспомогательных лексических средств действие, обозначаемое финитным глаголом настоящего времени, длится достаточно давно, но при этом очевидно, что торо не совершают непрерывно названные в тексте действия. Подразумевается, что субъект, производящий действие, может осуществить его в нужной ситуации с опорой на предыдущий опыт, о котором говорится в предшествующем предложении, и самое главное, что такая ситуация имеет место быть и в момент речи.

1.3. Настоящее перформативное

Для определения этого типа значений необходимо обозначить, что перформативность понимается нами «как значение высказывания, в определенных прагматических условиях равного выполнению обозначаемого им действия» [12, 106]. Впервые о существовании перформативности говорит британский философ языка Джон Остин [17, 147–163]. Мы считаем, что настоящее перформативное, впрочем как и некоторые другие выделяемые нами типы темпорально-семантических значений, тесно связано с лексической семантикой глаголов. Это можно объяснить тем, что далеко не все глаголы могут обозначать действие, производимое в данный

момент, т. е. в момент речи. Таким образом можно говорить о некотором перечне глаголов, обладающих перформативным значением в своей семантической структуре. К таким глаголам можно отнести: *куруны* ‘просить’, *косыны* ‘приказать’, *алыны* ‘предупредить, запретить’ *сйзыны* ‘обещать’, *отыны* ‘пригласить’, *зечкыланы* ‘поздравить’ и т. п. Пример: – *Кошкы, Артём, зечкын курысько, кошкы! Эн сёр монэ, кошкы ...* – Уходи, Артём, по-хорошему прошу, уходи! Пожалей меня, уходи ...’ (Елена Панфилова. Мумы (2008), [10]). Мы видим, что в этом предложении говорящим называется совершаемое действие, и можно сказать о том, что момент его осуществления полностью совпадает с моментом речи. Это также указывает на актуальность действия, поскольку настоящее перформативное является разновидностью настоящего актуального.

2. Настоящее неактуальное

Предыдущие трактовки материала подразумевают, что настоящее неактуальное подразделяется на настоящее постоянное и настоящее абстрактное. «Настоящее постоянное обозначает действия, не имеющие временных ограничений. Настоящее абстрактное обозначает конкретные, но повторяющиеся действия» [4, 39]. Однако, данное объяснение не является исчерпывающим, поскольку мы опираемся на классификацию Х. Чжи-Хюн [15, 13–75], которая является наиболее универсальной и подробной. Данную классификацию мы считаем возможным применить к любому естественному языку. Неактуальность при рассмотрении настоящего времени глагола выражается прежде всего «в отсутствии указания на отнесённость действия к моменту речи» [1, 69]. Именно отсутствие указания на момент речи является объединяющей характеристикой для всех разновидностей настоящего неактуального. Пример: *Нуналлы быдэ Зичы агай Чорккоос доры пукыны ветлэ.* ‘Каждый день дядя Зичы к Чоркко посидеть ходит’. (Пётр Чернов. Кион кар (1996), [10]). В этом примере говорящий сообщает о действии, которое происходит регулярно, но оно не является актуальным на момент речи, поскольку в данном высказывании отсутствует указание на то, что действие происходит здесь и сейчас, следовательно мы имеем дело с настоящим неактуальным.

2.1. Неактуальное настоящее при выражении узуальности

Говоря об узуальности, следует отличать её от простой повторяемости, которая имеет «кон-

кретную семантику, хотя и выражает более «широкое», нелокализованное во времени действие» [16, 635]. Нас же интересуют действия, которые время от времени повторяются, имея различные интервалы. На первый взгляд может показаться, что здесь речь идёт о тех же вариантах темпоральной семантики, которые описаны в пунктах 1.2.2. и 1.2.3. Однако ключевое различие заключается в том же, в чём состоит разница настоящего времени момента речи и настоящего неактуального – в актуальности сообщаемой говорящим информации для момента речи. А. В. Бондарко характеризует узуальность тем, что «повторяемость действия сопряжена с оценкой того, что повторяется, как выходящего за рамки конкретного эпизода и конкретного ряда повторений» [2, 217]. Таким образом, в нашем случае темпоральная семантика настоящего неактуального при выражении узуальности предполагает, что речь идёт о конкретном регулярном повторяющемся действии без соотнесённости с моментом речи, а также расширенность временного плана, поскольку «узуальность всегда предполагает перспективу аналогичных повторений (реальные повторения плюс возможные)» [2, 217]. В качестве вспомогательных лексических маркеров обычно выступают такие наречия как *котьку сямен ик* ‘обычно’, *чем (чемысь)* ‘часто’, *куддырья* ‘иногда’, *дырын-дырын* ‘время от времени’ и т. п. Пример: *Плакат вылэ суреддам чебер нылэн пи нырысь куспазы уг тупало вал, дыр, нош кино бырон азын огзэс огзы зыгыртыса чупаськызы, луоз. Киноын котьку сямен озыы быре.* ‘Нарисованные на плакате парень с красивой девушкой сначала не могли поладить, наверное, но перед концом фильма друг-друга обнимая целовали, видимо. В кино всегда всё так заканчивается’. (Геннадий Красильников. Арлэн кутсконэз (1965), [10]). Регулярность и обычность действия достигается за счёт словосочетания *котьку сямен*, которое можно перевести на русский язык как ‘всегда’. Таким образом, характер протекания действия во времени можно назвать повторяющимся. Само действие носит отвлечённый характер и не является актуальным на момент речи, поскольку нельзя однозначно определить его место на временной шкале относительно момента речи.

2.2. Настоящее качественное

Главной особенностью этого типа значения, как и у предыдущего, является регулярность, повторяемость действия. Основное отличие от

предыдущего типа заключается в том, что действие, соотносимое с субъектом или объектом этого действия, является настолько обычным его атрибутом, что оно становится качеством, характеризующим этот субъект или объект. Об этом пишет А. В. Бондарко: «действие, осуществляющееся обычно, обладающее той или иной степенью регулярности, может стать признаком субъекта» [1, 70]. Таким образом, мы имеем дело с действием, которое практически не ограничено временными рамками, которое при выражении с помощью средств языка обозначается финитными формами глагола настоящего времени. Пример: *Мар карод, адями сюлмыныз яратэ, соку сюлэм визьлэсь бадзымгес луэ...* 'Что поделаешь, человек любит сердцем, поэтому сердце больше разума становится'. (Геннадий Красильников. Арлэн кутсконэз (1965), [10]). В этом предложении говорящий сообщает о характеристике присущей человеку вообще. Временной план высказывания распространяется и на прошлое, и на будущее, таким образом приобретая обобщённое вневременное значение.

2.3. Настоящее гномическое

Этот вариант темпоральной семантики является более прозрачным и понятным, чем другие варианты настоящего неактуального. Настоящее гномическое используется чаще всего в пословицах и поговорках, а также в обобщённых утверждениях. «Гномическое значение – это вневременное, обобщённое значение, чаще всего встречающееся в пословицах и поговорках» [5, 253]. Основной особенностью настоящего гномического перед настоящим качественным и настоящим неактуальным при выражении узуальности является обобщённый вневременной характер. Действие невозможно точно расположить на временной шкале относительно момента речи. При этом действие не обладает узуальностью, поскольку семантика настоящего гномического не предполагает повторяющиеся действия. Также действие не имеет качественного характера, поскольку для настоящего гномического характерна максимальная степень генерализации, которая невозможна в варианте настоящего качественного. Пример: *Уг оскись-*

кы. Тани шедьтй. Адями уженыз чебер ... Чебер уж ассэ ачиз утялтэ ... Чебер муртлэн нылпиосыз но чебер ... Умой кышно – жыны юрт ... 'Не верю. Вот нашёл. Человек красив с его работой ... Хорошая работа сама за себя говорит ... Хорошая жена – половина дома ...' (Егор Загребин. Нылкышнолэн чеберез (2004), [10]). В данном случае мы видим ситуацию, которая не имеет конкретного расположения на временной шкале. При этом обозначаемое глаголом действие не может являться качеством субъекта. Также в данном примере нельзя говорить и об узуальности, поскольку узуальность предполагает повторяемость действия, а в приведённом примере отсутствует сема повторяемости, которая находит выражение с помощью лексических либо морфологических средств.

Обсуждение и заключение

Как мы видим, в удмуртском языке существует достаточно большая вариативность темпоральной семантики у форм глагола настоящего времени. При исследовании нами были рассмотрены две основные группы семантических значений, передаваемых формами настоящего времени глагола в удмуртском языке: настоящее актуальное и настоящее неактуальное. Установлено, что первая группа включает в себя следующие типы значений: а) настоящее время момента речи; б) настоящее расширенное; в) настоящее перформативное. Первый тип значений в данной группе подразделяются на два подтипа: с признаком перцептивности и без него. В рамках второго типа нами было выделено три подтипа, которые могут охватывать: отрезок прошедшего времени; фрагменты прошлого и будущего; длительный период, не заполненный действиями целиком. Другая группа подразделяется на а) неактуальное настоящее при выражении узуальности; б) настоящее качественное; в) настоящее гномическое. Полученные данные позволяют говорить о новой типологической классификации темпорально-семантических значений удмуртского глагола настоящего времени, поскольку лингвистическое время всегда тесно связано с темпоральностью.

Список источников и литературы

1. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (Значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.
2. Бондарко А. В. Временная локализованность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 210–234.
3. Бондарко А. В. Темпоральность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 5–58.

4. Булычева Е. А. Функциональная значимость глагола в различных типах текстов в удмуртском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Чебоксары, 2010. 180 с.
5. Демидкина Д. А. Темпоральные и референциальные значения временных форм с системной семантикой перфекта в английском и русском языках // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. № 12. С. 249–254.
6. Зверховская Е. В., Косиченко Е. Ф. *Грамматика английского языка: Теория. Практика. Учеб. пособие*. СПб.: БХВ-Петербург, 2014. 304 с.
7. Коршунова А. С., Лагута Н. В. Грамматические средства выражения категории времени в русском языке // *Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2020. № 90. С. 92–96.
8. Лунина Т. П. О средствах выражения косвенной эвиденциальности в русском языке // *Известия ВГПУ*. 2020. № 5 (148). С. 92–97.
9. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.
10. Национальный корпус удмуртского языка // *Udmcorpus.udman.ru*: информ.-справочная система. УдмФИЦ УрО РАН, 2019. URL: <http://udmcorpus.udman.ru/body> (дата обращения: 28.07.2022).
11. Петрова А. В. Семантика и функционирование перцептивных глаголов в лирике Ф. И. Тютчева: дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 181 с.
12. Россолова О. А. Перформатив как показатель адресованности высказывания // *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки*. 2011. № 1. С. 106–125.
13. Столярова А. Г. Особенности восприятия времени через призму грамматических структур // *Верхневолжский филологический вестник*. 2020. № 1 (20). С. 134–142.
14. Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): тодослыко-дышетскон издание / А. А. Алашеева, Д. А. Ефремов, Т. М. Кибардина, Н. В. Кондратьева, С. В. Соколов, О. Б. Стрелкова, И. В. Тараканов, Н. Н. Тимерханова, А. Ф. Шутов; Кылкутйсь ред. Н. Н. Тимерханова. Ижкар: Удмурт университет, 2011. 408 б.
15. Чжи-хюн Х. Вариативность аспектуально-темпоральной семантики при функционировании форм настоящего времени русского глагола: дисс. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2003. 194 с.
16. Шаршеева К. К. Языковые средства, выражающие семантику простой повторяемости действия в кыргызском языке // *Бюллетень науки и практики*. 2020. № 3. С. 634–640.
17. Austine J. L. *How to Do Things with Words*. Oxford: Clarendon Press, 1962. 168 p.
18. Chung S., Timberlake A. Tense, aspect and mood. In: Shopen, T. (ed.) *Language typology and syntactic description vol. III, Grammatical categories and the lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press. 1985. Pp. 241–258.
19. Csúcs S. *Die Rekonstruktion der Permischen Grundsprache*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 405 p.
20. Kozmács I. *Az -šk- képző az udmurt (wotják) igeképzés rendszerében*. Nyitra: Konstantín Filozófus Egyetem, 2008. 196 p.
21. Wiedemann F. *Grammatik der wotjakischen Sprache, nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche*. Tallin: Eesti, 1851. 435 p.
22. Winkler E. *Udmurt*. München: Lincom Europa, 2001. 85 p.

References

1. Bondarko A. V. *Vid i vremja russkogo glagola (Znachenie i upotreblenie)* [Verbal aspect and tense of a Russian verb (Meaning and usage)]. Moscow: Prosveshhenie Publ., 1971. 239 p. (In Russian)
2. Bondarko A. V. *Vremennaja lokalizovannost* [Temporal localization]. *Teorija funkcionalnoj grammatiki. Vvedenie. Aspektualnost. Taksis* [Theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Taxis]. Leningrad: Nauka Publ., 1987. pp. 210–234. (In Russian)
3. Bondarko A. V. *Temporalnost* [Temporality]. *Teorija funkcionalnoj grammatiki. Temporalnost. Modalnost* [Theory of functional grammar. Temporality. Modality]. Leningrad: Nauka Publ., 1990. pp. 5–58. (In Russian)
4. Bulycheva E. A. *Funkcionalnaja znachimost glagola v razlichnyh tipah tekstov v udmurtskom i russkom jazykah* [Functional significance of a verb in the different types of texts in the Udmurt and Russian languages]. Cheboksary, 2010. 180 p. (In Russian)
5. Demidkina D. A. *Temporalnye i referencialnye znachenija vremennyh form s sistemnoj semantikoj perfekta v anglijskom i russkom jazykah* [Temporal and referential meanings of the temporal forms with systemic semantics of the perfect in the English and Russian languages]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2020, no. 12, pp. 249–254. (In Russian)
6. Zverkhovskaya E. V., Kosichenko E. F. *Grammatika anglijskogo jazyka: Teorija. Praktika. Ucheb. posobie* [Grammar of the English language: Theory. Practice. Textbook]. Saint-Petersburg: BHV-Peterburg Publ., 2014. 304 p. (In Russian)
7. Korshunova A. S., Laguta N. V. *Grammaticheskie sredstva vyrazhenija kategorii vremeni v russkom jazyke* [Grammatical means of expression of the category of time in the Russian language]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities], 2020, no. 90, pp. 92–96. (In Russian)
8. Lunina T. P. *O sredstvah vyrazhenija kosvennoj evidencialnosti v russkom jazyke* [About the means of expression of the indirect evidentiality in the Russian language]. *Izvestija VGPU* [Voronezh State Pedagogical University], 2020, no. 5 (148), pp. 92–97. (In Russian)

9. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Chief editor V. N. Yartseva. Moscow: Sov. jencikl. Publ., 1990. 682 p. (In Russian)
10. *Nacionalnyj korpus udmurtskogo jazyka* [National Corpus of the Udmurt Language]. Available at: <http://udmcorpus.udman.ru/body> (accessed July 28, 2022). (In Udmurt, Russian)
11. Petrova A. V. *Semantika i funkcionirovanie perceptivnyh glagolov v lirike F. I. Tjutcheva* [Semantics and functioning of perceptual verbs in the lyrics of F. I. Tyutchev]. Moscow, 2018. 181 p. (In Russian)
12. Rossolova O. A. *Performativ kak pokazatel adresovannosti vyskazyvanija* [The performative as an indicator of the addressing of an utterance]. *Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Kamchatka Regional Association Educational and Scientific Center. Humanities], 2011, no. 1, pp. 106–125. (In Russian)
13. Stolyarova A. G. *Osobennosti vosprijatija vremeni cherez prizmu grammaticheskikh struktur* [Features of the perception of time through the prism of grammatical structures]. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin], 2020, no. 1 (20), pp. 134–142. (In Russian)
14. *Udmurt kyllen kylkabtodosez (morfologiez): todoslyko-dyshetskon izdanie* [Morphology of the Udmurt language: scientific and educational publication]. Ed. by A. A. Alasheeva, D. A. Efremov, T. M. Kibardina, N. V. Kondratyeva, S. V. Sokolov, O. B. Strelkova, I. V. Tarakanov, N. N. Timerkhanova, A. F. Shutov. Izhar: Udmurt universitet Publ., 2011. 408 p. (In Udmurt)
15. Chzhi-Hjun H. *Variativnost aspektualno-temporalnoj semantiki pri funkcionirovanii form nastojashhego vremeni russkogo glagola* [Variation of aspectual-temporal semantics in the functioning of the forms of the present tense of a Russian verb]. Saint-Petersburg, 2003. 194 p. (In Russian)
16. Sharsheeva K. K. *Jazykovye sredstva, vyrazhajushhie semantiku prostoj povtorjaemosti dejstvija v kyrgyzskom jazyke* [Language means expressing the semantics of a simple repetition of an action in the Kyrgyz language]. *Bjulleten nauki i praktiki* [Bulletin of Science and Practice], 2020, no. 3, pp. 634–640. (In Russian)
17. Austine J. L. *How to Do Things with Words*. Oxford: Clarendon Press, 1962. 168 p. (In English)
18. Chung S., Timberlake A. Tense, aspect and mood. *Shopen, T. (ed.) Language typology and syntactic description vol. III, Grammatical categories and the lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press. 1985. pp. 241–258. (In English)
19. Csúcs S. *Die Rekonstruktion der Permischen Grundsprache*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 405 p. (In German)
20. Kozmács I. *Az -šk- képző az udmurt (vojják) ige-képzés rendszerében*. Nyitra: Konstantín Filozófus Egyetem, 2008. 196 p. (In Hungarian)
21. Wiedemann F. *Grammatik der Wotjakischen Sprache, nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche*. Tallin: Eesti, 1851. 435 p. (In German)
22. Winkler E. *Udmurt*. München: Lincom Europa, 2001. 85 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ефимов Кирилл Сергеевич, аспирант кафедры общего и финно-угорского языкознания, Удмуртский государственный университет (426034, Российская Федерация, Республика Удмуртия, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1).
kirill_udm@vk.com
ORCID ID: 0000-0003-2220-2706

ABOUT THE AUTHOR

Efimov Kirill Sergeevich, Postgraduate of the Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (426034, Russian Federation, Republic of Udmurtia, Izhevsk, Universitetskaya St. 1).
kirill_udm@vk.com
ORCID ID: 0000-0003-2220-2706